

16+

Мирон Высота

ВЕДЬМА

Мирон Высота

Ведьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68099939

SelfPub; 2024

Аннотация

Катя с мужем заселяется в дом у самого леса. Вот только у дома хозяйка-перевертыш, а в лесной чаще прячется кто-то неведомый. Или все это морок, вздор, выдуманные сказки, вывалившиеся из потрепанных книжек.

Мирон Высота

Ведьма

ГОГОЛЬ

Церковь деревянная, почерневшая, убранная зеленым мхом, с тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Разухабистая дорога огибала ее и врезалась в скопление одноэтажных домиков, окруженных заборами и обильной зеленью.

– Это село или деревня? – вяло спросил с заднего сидения Донцов.

– А какая разница, – отозвался Фомин, выворачивая руль. Машина медленно перевалилась из одной колеи в другую. В том, что есть церковь, подумала Катя.

В открытое окно залетала пыль сухой дороги, жара и тяжело гудящие слепни. Слепни настойчиво стучались о лобовое.

Машина на колесах потеряла ход и поехал вровень с женщиной, идущей по обочине. Женщина бросила косой, настоженный взгляд в их сторону. Заметив Катю, она быстро отвернулась и вскинула на плечах старый выцветший рюкзак. В руках у нее пузырились полиэтиленовые пакеты. По виду тяжелые. Шея и руки были черные, закопченные. Ходко шла. С привычкой.

– Простите, а на Рябиновую как попасть? – спросила Катя, высунувшись из открытого окна.

Женщина снова зло зыркнула на Катю, оглядела с сомнением ее голые руки и плечи, и дернула головой в сторону одноэтажных домиков как бы одновременно показывая, что Рябиновая где-то там и игнорируя Катин вопрос.

– Давайте мы вас подбросим, а то смотрите какая после нас пыль поднялась? – вежливо предложила Катя.

Донцов отчетливо цыкнул. А Фомин ничего, тут же остановился. Женщина полезла на заднее сидение, не снимая рюкзака и не выпуская пакеты из рук.

– Так вы снимайте рюкзак-то, – жалобно сказал прижатый Донцов.

– Я потом не одену, – впервые открыла рот женщина. Вместе с ней в машину вошел тяжелый дух разгоряченного тела, свежего пота и железной дороги.

– А что это у вас церковь такая старая, заброшенная, сейчас вроде восстанавливают все, – спросила Катя, оглядываясь назад.

– Так, то не церква, – охотно отозвалась женщина и приветливо улыбнулась Кате. Катю всегда поражал этот неожиданный переход у некоторых людей, когда колючая настроенность быстро сменяется округлой мягкостью. – То киношники кино снимали. А церква нам не положена, сами в Малиново ездим.

Поле закончилось, дорога выправилась, пропали ямы и

колдобины. Вдоль проезжей строго стояли столбы с прикрученными бетонными блоками, а по столбам провода. Дальше метров на пять травяные полянки, а потом уже заборчики, заборы, ограды, ворота крашенные и покосившиеся, приземистые домишки и домищи со множеством окошечек, наличников, занавесочек. А кое-где свеженькие краснокирпичные кубы с аляповатым пластиком окон. Мелькнет глянцевого бок надежно осевшей в лохматых кустах машины. Тут и там щедро прут из земли лопухи и прочая зелень.

– Погоди-ка, погоди, здесь вот стой, а вон то Рябиновая, – женщина махнула влево, куда с пригорка катилась короткая улица, упирающаяся в ельник. – Вам там к кому?

– Не знаем, в девятый дом, – Катя заглянула в бумажку.

Женщина, открывшая уже дверь и занесшая со вздохом ногу чтобы ступить на землю, оцепенела. Так и зависла – одна половина с тяжелым рюкзаком в полумраке машины, вторая с вытянутой ногой на ярком солнце. На мгновение. На какое-то долгое мгновение, как отметила Катя, за это время Донцов успел пять раз тяжело вздохнуть, Фомин сжать губы в тонкую раздраженную полоску, а слепень до того с тупой настойчивостью долбившийся в лобовое, вылететь из салона через открытое окно.

Женщина выбралась из машины. Привычным движением тела подбросила на плечах рюкзак, чтобы лег как надо и пошла себе ничего не сказав. Катя крикнула ей «Спасибо!». Женщина вздрогнула, так и не обернулась, а только мелко

перекрестилась, судя по движению руки.

Машина ухнула с пригорка вниз.

– А здесь у меня кроли живут.

От мелкочаеистой решетки ощутимо пахло.

– Кто? – брезгливо наморщил нос Донцов.

– Кролики, – хозяйка отвернулась от низких клеток и поковыляла по дорожке из потрескавшихся керамических плиток, зажатой между обильно растущей крапивой, одуванчиками, лопухами и прочей травой. Юбка, платок, коричневая кофта на пуговицах. Ногами в большемерных галошах шаркает. Ногти пальцев черные.

– А тут по забору малина, тут смородина. Красная. Черная. Крыжовник, – Хозяйка ежесекундно останавливалась и махала неопределенно рукой на какой-нибудь зеленый куст. Донцов закатывал глаза и бил ногами, как конь на привязи. Фомин молча смотрел по сторонам со скучающим видом. Кате приходилось отдуваться за троих. Кивать, согласно и внимательно угукать и иногда переспрашивать, не потому что не поняла, а чтобы показать заинтересованность и участие.

От многочисленных неухоженных кустов тянуло сыростью. Никаких ягод видно не было, укрывшись за листьями, в глубине веток кучковались паутина и мрак. Участок широкий и заросший, щетинистый как алкаш кончался серень-

ким дохлым заборчиком из пересохших неравномерных досечек. За заборчиком сразу вставал черный лес. Нависал тяжелой стеной. Плотный и чужой.

Дорожка повернула влево, и пройдя мимо скособоченной поленицы они оказались между домом и приземистым черным срубом, с одним маленьким окошком и наспех сколоченной скамеечкой под ним.

– Баня, – махнула рукой хозяйка. – Смотреть будете?

– Не, и так понятно, – поспешно ответил Фомин. Донцов закивал. Катя вздохнула.

Вошли в дом. Летняя веранда. Осевшая дверь с мягким скрипом. Комната. Овальные портреты на стенах. Стол, накрытый старомодной скатертью с кисточками и бахромой. Резкий сухой запах. Травами и застоявшимся временем. В дверных проемах занавески из старых простыней.

– Мухи, – прокомментировала занавески хозяйка.

Сервант с фужерчиками и фарфоровыми супницами. Тарелочки с золотой каемочкой блинной стопкой.

– Мадонна, – снова и непонятно прокомментировала хозяйка.

Книжные стеллажи. Старый сундук. Опять фотографии – размытые овалы. Дверной проем в другую комнату. Одернутая занавеска. В полумраке виднеется высокая кровать. Застеленная, с металлическими шишками и аккуратными подушками. Коврик над ней. Узоры. Солнечный квадрат на стене.

– А это все родственники ваши? – спросила Катя про фотографии.

– Нет, – ответила хозяйка и бесцеремонно, в упор уставилась на Катю. У хозяйки были бесцветные, почти невидные радужки, отчего зрачки казались как иголки. Покалывали даже казалось. Катя поежилась. Была хозяйка какая-то неопределенная, неясная, угловатая и одновременно широкая, на кистях рук бугрятся старушечьи вены, а движения уверенные, точные. Иногда морщины вдруг разглаживаются и на месте недавней старухи возникает вполне молодежского вида женщина, а потом вдруг загорбится, спина колесом, в шаге скрипит, дышит как паровоз. Кофта эта... бабушкина. А голос звонкий.

– Сама-то я в другом доме живу, – вдруг сказала хозяйка, все так же впиваясь в Катю своими глазами-иголками. – В котором ближе к лесу.

– А в этом, кто живет? – продолжала опрос Катя, а сама посматривала на Фомина. Тот разглядывал корешки книг на полках.

– Тут точно кто-то умер, – тихо сказал себе под нос Донцов.

Хозяйка метнула на Донцова злой взгляд.

– Ты иди давай, Донцов. Иди. Покури на улице, – погнала его из дома Катя.

– Райское местечко, – потроллил их Донцов, пряча за дверью улыбающуюся гримасу.

– Никто тут не живет... И не жил. Хорошее место, дочка. А запах такой, так-то потому, что не живет никто. Без людей-то оно как? Все пылится, зарастает. А как вы заселитесь, так все лучше. И для вас, и для дома. Лес вона рядом совсем, магазин есть тут недалече, участок так весь ваш, я уже и не справляюсь с ним, забросила давно, малина вон пошла как, мясо от кролей, и мне прибавка-то, очень же дешево, лучше тут в округе и не найти, – Хозяйка запричитала скороговоркой с придыханием. Заохала, засуетилась, одновременно выправились и скрючилась, схватилась за бока, стала качать головой и припадать на одну ногу. Иголочки в ее глазах затупились. А глаза из бесцветных стали мутные, старческие.

– Мне нравится, – громко и с нажимом сказала Катя.

Фомин встрепенулся от ее голоса. Ожил. Заозирался по сторонам. И спросил:

– А готовить как?

Хозяйка стала показывать ему устройство газовой плитки, а Катя потихоньку вышла вслед за Донцовым на улицу.

– Донцов, имей совесть.

Донцов сидел на корточках у раскидистого куста смородины. Черной или красной. И что-то ковырял руками между веток. Над его головой поднималась тонкая струйка сигаретного дыма и вились комары.

– Да, понял я, понял, давайте уже соглашайтесь и назад в город поедем.

– Знаешь, Донцов, я хочу, чтобы это он принял решение.

Сам. А то все я да я.

– Ну, а тебе-то это зачем. Глухомань же. Через день от тоски взвоете. Перегрызетесь друг с другом. Знаешь, как бывает в замкнутых пространствах. Кукухой поедешь...

– Нам надо наконец побыть только вдвоем. Наедине. У нас же все разладилось, Донцов. Все стало другим. Да, что ты там ищешь?

Донцов обернулся и показал жменю черных пыльных ягод.

– Донцов, нам надо провести время вдвоем, чтобы вот никого вокруг, понимаешь? Ни интернета, ни телефона. Ни друзей, ни подружек, – с нажимом добавила Катя, чтобы Донцов осознал о каких именно подружках идет речь.

– Да, понял, я понял, – опять повторил Донцов и зарылся в куст. Катя вздохнула, раньше бы он сказал «ты о чем?», «что за подружки?», «у кого, у Фомина-то?», «да ладно тебе!», а так даже спорить не стал, молчаливо подтверждая – да, отношения надо спасать.

Хозяйка с Фоминым вышли из дома.

– Ну, что решили? – спросила хозяйка и впервые за все время вдруг улыбнулась. Глаза у нее прозрачные, подумала Катя.

Фомин смешно чесал в затылке и морщил лоб. Вылитый Иванушка. А хозяйка типичная баба Яга. И дом старый, и лес чернеет. И сказка нестрашная.

– Мы согласны, – громко и твердо сказала Катя.

Как же называется этот гриб? Катя старательно, но безуспешно повспоминала. Дымовушка? Небольшой белый продолговатый шарик. Нет, не шарик даже, а фасолина надутая, немного взъерошенная с одного бочка. И если на нее наступить, то хлопнет и выбросит облачко дыма. Не дыма, конечно, а спор. Но кажется, что дыма.

Катя машинально потянулась за смартфоном, чтобы сфоткать грибок и, только погрузив ладонь полностью в узкий карман шорт, вспомнила, что смартфон за ненадобностью оставлен в доме и даже не заряжен, валяется на полочке бесполезным грузом.

Так же, как и Фомин, пронеслась мысль. Тот тоже валяется. В лес не пошел. Что я там не видел, сказал, пожал плечами и сел писать свой идиотский код – абракадабру символов, тарабарщину, бессмыслицу. А видел ли ты когда-нибудь настоящий лес? Так чтобы не на квадроциклах пронестись по ухоженным дорожкам от санатория к водоему и назад, и не шашлыки на приятельской даче между тремя лично посаженными елками?

Катя лес любила. Городские парки с трудом переносила – шумно, отовсюду лезет одновременно заброшенная неухоженность и лакированный порядок. И то, и то рукотворные. А настоящий лес – это стихия. Черный глухой ельник сменяется стремительным рвущимся вверх сосняком. С редки-

ми березами и кустами, как метелками. С разлапистым папоротником. С вязким, по колено ковром из цепляющихся за штанины растений, перекатывающимся с пригорка на пригорок. Прелые, усыпанные иголками низинки, вывернутые к солнцу полянки с блестящей паутиной, жужжание комаров, яркая, всегда неожиданная и вызывающая восторг земляника и разочаровывающая черника. Тоже вкусная, но какая-то обычная. А землянику можно насадить на травинку, одна за другой, как бусы.

На Катиных бусах белели три неспелые ягодки. Хотела принести Фомину лесной земляники, а ягоды нет. Деревенские, наверное, все обобрали. Она зашла-то недалеко. Километр максимум...

Лес начинался сразу за участком. Дом, который они сняли, пучил свои глаза-окна прямо на проезжую улицу. А второй дом на участке, совсем какой-то махонький, еще чернее и дряхлее первого, в нем жила хозяйка, стоял частью в лесу, выкатив свой лежалый бок в ельник. Катя обошла его по кругу, наткнулась на хозяйку, осторожно сказала «здрате» и пошла было дальше. Стой, остановила ее хозяйка и сунула в руки холодную кружку с чем-то сладким и пахучим. На-ка, сказала хозяйка, попробуй. А что это? осторожно спросила Катя. Морс, просто ответила бабка...

Странная она. И глаза прозрачные. Как вода.

Катя выкинула травинку с неспелой земляничкой, топнула по грибу-дымовушке, тот правда дым не выпустил, а только

неприятно скрипнул, и пошла дальше в лес. Ну и заблужусь, подумала она, пусть Фомин побегает, поищет.

Она шла все прямо, никуда не сворачивая, не обходя препятствия. Лес теснил со всех сторон. Обступал. Стволы деревьев сыпали вслед труху, оставляя отметины на голых ногах, но Катя с непонятным для самой себя упрямством шла вперед. Протискивалась, срывая кору, хрустела сухими сучьями, сметала паутину взмахом руки, взбиралась на пригорки, скользила по лесной подкладке вниз, туда, где папоротник доходил ей почти до плеч.

Шаг перешел в бег. Катя бежала, не разбирая дороги. Замелькало, зарябило в глазах. Полосы солнца на соснах вперемежку с черными сухими палками. Воздух вокруг раскалился. Жар метался между деревьев, гнал и гнал Катю вперед. Каждый вздох причинял боль в груди.

Наконец силы оставили ее, и она уперлась лицом в липкий и колючий ствол. Пахло смолой и землей. Тихо, как тихо вокруг. Что-то жгло внутри. Хотелось зарыдать, заплакать, но слезы не шли. Дышать, дышать было трудно, и Катя рванула ворот рубашки. Глухо треснула ткань, хрустнули пуговицы. Голую кожу царапала грубая кора. Катя опустила на колени и упала в прохладный, мягкий лесной подшерсток.

Воздух вздрогнул и стал прозрачен как ручей. Лес вздохнул, зашевелился. По траве, веткам, стволам пошло едва заметное движение. Скрипы, шелесты. Шепот. Тяжелая земля, тягучая. Как ремнями затянуло. Не земля, а болото.

Катя перекадилась на спину. Вспухшие царапины на руках и ногах жгло огнем. Тяжесть в груди не проходила. Наоборот, налилась, как будто гирю положили. Катя снова перекадилась. Травинки щекочут кожу, иголки колют голый живот, рыже-черный муравей бежит по руке. Серебряная нить протянулась вверх. Паутинка. Блеснула и исчезла. Катя снова перевернулась. Раскидала руки в стороны, сминая, сжимая в кулаки стебли растений, землю, серебряную нить. Голова ее заметалась из стороны в сторону. Шея выворачивалась до хруста, до боли, затылок все глубже зарывался в холод и труху. И наконец пришли слезы. Водопады слез.

Над жестяной раковиной тусклое зеркало с истлевшей амальгамой. Фомин с легким треском провел по шее опасной бритвой. Резкое движение кистью и шмат пены полетел в раковину. Хлоп. Пена налипла на эмаль и поползла вниз. Треск. Взмах. Хлоп. Треск. Взмах. Хлоп.

– Тебе не страшно? – спросила Катя, заморожено наблюдая эту механику движений.

Фомин, до этого сосредоточено разглядывающий себя в зеркале, дернулся. Скорчил физиономию. Потом развернулся к Кате – в одной руке раскрытая бритва, глаза в тумане – взгляд отсутствующий. Шея и щеки сияющие, в бахроме белой пены. На подбородке набухает красная капля. Тяжело бежит вниз. За ней проторенной дорожкой еще одна.

Фомин запоздало вскрикнул и, схватив полотенце, прижал его к подбородку. Потом развернулся, вывернул голову и стал подставлять подбородок под струю воды. Раковина окрасилась в розовый.

– Дай посмотрю, – вскинулась Катя.

– Да сам я, – Фомин отмахнулся. Повернулся, прижимая к лицу мокрое полотенце. Бритва осталась лежать в раковине. В розовой водице плавали хлопья пены.

– Не знаю, что нашло. Никогда такой не брился. Дай, думаю, попробую. Типа как в кино. А ты куда?

Катя надела поверх футболки порванную в лесу рубашку. Пуговиц не было, вырваны с мясом. Она связала концы рубашки в узел, чуть выше живота. Оглядела себя. Получилось неплохо. Вот только шорты коротковаты, наверное. Да ладно, деревня же.

– В магазин, – сказала она Фомину и намотав пакет на руку, толкнула входную дверь.

По Рябиновой надо было подниматься в горку. Улица почти все время была в тени. Прохладно, сыро, того и гляди, лягушки начнут квакать. Справа и слева домики, но никого вокруг не было видно. Лишь в одном из дворов мелькнула широкий женский силуэт, да старая псина вытащила морду из-под соседних ворот – облаяла с хрипом.

Катя поднялась на пригорок. Тут уже солнце было летним, ласковым, кудрявые облака неслись к нему по небу, да все добежать не могли. Деревня сияла белыми пластиковы-

ми окнами и свежей зеленой краской на крышах. Справа, в сторонке, высилась киношная церковь, а если налево – начиналась обычная житейская суэта.

Где-то звучала музыка, стук, хруст дрели, протяжный вой пилы, тархтел мотор. На табуретках вдоль дороги, в расчете на проезжающих вдруг городских, стояли разноцветные банки с грибочками, огурчиками, помидорчиками, вареньем, ровные снаряды кабачков, и тут же чуть поменьше горки огурцов. Большие эмалированные ведра с крышками.

Навстречу Кате проехал маленький велосипедист, раз в пять меньше своего велосипеда, и чтобы доставать до педалей, ему приходилось сильно наклоняться вниз и влево, а потом вниз и вправо. Мужик около старой машины, тронутой ржавчиной протирал руки промасленной тряпкой. Со вкусом осмотрел Катины голые ляжки. Только что не облизнулся...

В магазинчике было солнечно. Одновременно слепило со всех сторон и темнело в глазах. В углу манил чернотой распахнутый зев подсобки. Тетка-продавщица с прелым тестом вместо рук заорала прямо туда, в темноту и прохладу:

– Серега! Ну ты че там? Заснул?

Потом повернулась к Кате и спросила нагло:

– Ты чья? Чет я тебя не видала тут раньше.

Катя, придерживая руками расплзающиеся упаковки спагетти и печенья от неожиданности вздрогнула:

– Дом сняли, с мужем.

– У кого? Почему? – ревниво допрашивала тетка. – Серега?! Ты же там встрял!

Катя ответила. В магазинчике вдруг стало ощутимо свежее. На солнце видимо наконец набрали облака, потому что все вокруг перестало сиять, поблекло и даже жужжащая муха влипла в висящую ловушку и замолчала. Зато из подсобики вышел Серега – мятый, с пузом, в сандалиях и носках, в кепке-бейсболке. Вышел, зевнул, равнодушно развернулся и снова пропал в темноте.

– Муж у тебя хороший?

Тетка на Катю не смотрела, а пялилась куда-то вбок, нажимая кнопки на миниатюрном терминале. Катя даже не поняла, что это она ее спрашивает. Хороший, вот такенский, уж не твой Сережа-то точно, захотелось ответить, но Катя просто кивнула.

Тетка вдруг перегнулась через прилавок, тестом распозлась, и тихой скороговоркой, при этом почему-то оглядываясь на темный пролом в стене, затарахтела:

– Ты его, девчуля, возле себя держи. А еще лучше ехала бы ты отсюда. И мужа своего увозила. Или переезжай, вон, в Малиновку, там и дом есть хороший, у свекрови моей, и магазинов там два, и речка...

– И церковь, – почему-то вспомнила Катя.

– Вот, – кивнула доверительно тетка, – заодно и в церковь сходите, от греха-то.

Дверь звякнула, в магазин вошел посетитель, и тетка, со-

брав свои телеса с прилавка, выпрямилась и как ни в чем не бывало отсчитала Кате сдачу.

Катя вышла из магазина в уличную жару.

Недалеко, на косой скамейки сидел мелкий местный пацан. Огромный велосипед валялся тут же в траве. Увидев Катю, пацан зло глянул из-под выгоревших ресниц и нарочито сплюнул в ее сторону тягучей струей.

Каждый вечер был как вечность.

На подоконнике стоял сухостой, пахло лекарством и сеном, за окном отмирал день.

Тьма постепенно наползала на улицу. Тени прятались под заборами, а иные посмелее, перебежали улицу от дома к дому. И ни одного человека. Улица Рябиновая – мертвое царство.

Катя отвернулась от окна. Фомин читал какой-то потрепанный томик.

– И как тебе наша хозяйка? – спросила его Катя.

– Кто?

– Ну хозяйка наша, которая дом нам сдала.

– А-а-а. Ну, норм.

– Ты думаешь она какая? Интересная?

Фомин отлип наконец от книжки и уставился на Катю.

– Сколько ей лет по-твоему?

– Не знаю, – Фомин пожал плечами, но смотрел теперь так

словно пытался что-то разглядеть в Катином лице.

– Примерно?

– Да, не знаю я. Наверное... Да много ей. Фиг знает.

– Ты вот как думаешь, она старая или молодая? – продолжала настаивать Катя.

Здесь Фомин действительно задумался, уперся отсутствующим взглядом в стену и начал пальцами тереть белую полоску пластыря на подбородке.

– Вспоминай, Фомин, мы когда приехали первый раз, она вообще старухой мне показалась. Прямо бабка какая-то. Баба Яга.

– Ну да.

– А сейчас я пригляделась, так ей же лет сорок. Не больше. А еще помнишь, женщина почему-то крестилась, ну та, которую мы подвезли. А еще сегодня в магазине сказали...

– Ой, началось, – Фомин скривился. – А еще... А еще... Ты без своего фейсбука тут совсем дуреешь, сплетни собираешь. Вот, лучше возьми книжку почитай.

Фомин взял один из томиков, лежащих рядом с ним, и подкинул к ней поближе. Томик скользнул по одеялу и участливо ткнулся Кате в руку. Катя брезгливо оттолкнула холодную, гладкую как змею книжку.

– Представляешь, – продолжал, не заметив ее реакции Фомин, – никогда этого Гоголя не читал. Даже в школе. Только кино смотрел. Ну с Петровым которое. А сейчас оторваться не могу. И красиво как. Вот, например... «Робкое полноч-

ное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле» ...

Фомин продолжал читать, когда Катя встала с кровати, нацепила кофту и вышла из дома.

В воздухе носились стрижи, или ласточки, или какие-то другие стремительные птицы, Катя не разбиралась. С одной стороны, над пригорком, небо багровело вывернутой наизнанку улыбкой, как грустный смайлик. С другой, сливалось с елками в непроглядную тьму.

Катя пошла по участку. Было жутковато и зябко. По голым икрам щекотно бились нависшие над тропинкой травинки. Там же крапива, запоздало подумала Катя, как щиколотка уже ощутимо взбухла и зачесалась. По колену царапнула сухая ветка. А это крыжовник! Вспомнилось Кате. Какой же тут все-таки неухоженный участок.

Ноги сами вынесли ее к приземистому домику хозяйки. Тот был как мертвый. Молчащий, окна плотно завешаны шторами или занавесками. Вдруг одно из окон разрежала узкая полоска света. Катя тихо, не обращая внимания на колющее и режущее скопление растительности под ногами, шагнула к окну и осторожно заглянула в обжигающе яркую щель.

На полу стояла лампа на лишенном абажура тонком шесте. Слабый восковой свет дрожал на темных бревнах. Голая хозяйка сидела на коленях, спиной к окну. Волосы, спутанные, неряшливыми прядями лежали на плечах. Хозяйка

наклонилась и что-то зачерпнула. Потом резко выпрямилась с прижатыми к лицу руками. По бокам свисала складками желтая кожа.

Катя тихо стукнулась головой о стекло. Хозяйка резко обернулась. Лицо ее было черно, глаза закрыты, а рот развернулся как алый цветок. Белые, ровные, один к одному зубы. Хозяйка улыбалась. Тягучая красно-черная капля сорвалась с подбородка и упала на висящую грудь, следом еще одна, а за ней еще. Капли покатались по выпирающему животу. Оставили дорожки на дряблых бедрах. Так это же кровь, поняла Катя. Хозяйка открыла белые глаза.

Катя отпрянула, ломая куст и обдирая ноги вывернула на тропинку. Прочь от низкой избы, от замершего леса, от морока, от тишины. Домой, под теплое одеяло. К Фомину, к книжкам.

Выскочив из-за угла, Катя почти налетела на большую собаку. Танюхала что-то под их дверью и, увидев Катю, оскалилась.

– Фу, – слабым голосом сказала Катя, – Нельзя.

На Катю уставились пустые, укрытые ночной тенью глазницы. Собака зарычала громче. Рычание разнеслось по темноте, окружило, подобралось со спины.

Вдруг звонкий женский голос крикнул:

– Назад!

Рык прекратился, силуэт на фоне двери обмяк. Собака легко сорвалась с места и не обращая внимания на Катю про-

мчалась мимо, задев ее теплым мохнатым боком.

Катя вошла в дом. Кожа на месте крапивных ожогов и царапин горела. Катя, не раздеваясь, нырнула под одеяло к Фомину, прижалась к его спине, обняла. Фомин не ответил. Спал. Ноги у него были холодные. Как вода из колодца.

...Кто-то смотрел на нее из темной щели между двумя елками. Загудел ветер, трава пошла волнам, и слабая рябь тронула черные мохнатые деревья. Из зарослей порхнула мелкая напуганная птица. Полуденный зной вдруг отступил. Стало холодно. Слабая, еле слышная дрожь повисла в груди.

– Эй, – позвала она. Снова ударил ветер. Елки заслонили своими лапами смотрящего. Если он был. Слабая тень метнулась от края поля и побежала, побежала, скрылась в травяном переливающимся мороке. Лед на коже. Внутри что-то сорвалось и ухнуло вниз, только вот все никак не могло упасть. А кто-то невидимый ухватил за загривок и не отпускал.

Катя пошла к елкам, голая, как есть, оставив, позабыв на расстеленном одеяле купальник, шорты, футболку, всякие мелочи вроде книжки с закладкой-фотографией, где они в Венеции, солнцезащитных очков, тюбика крема от загара, бутылки воды, тайной пачки сигарет с зажигалкой, все, что было для нее секунду назад личным, материальным, понятным. Каждый новый шаг был вязким, тяжелым и все глубже

погружал ее в дурман странной неправды, какой-то плохой, нездешней сказки. Ступни ног тонули в зарослях высокой травы. Тяжелый шмель бесшумно ткнулся в плечо и исчез. В воздухе закружилась знакомая уже прозрачность. Явственно и четко она видела каждую трещинку на скорченном еловом стволе. И слышала чужое дыхание. Катя остановилась и развела руками колючие, увесистые ветви. Никого.

– Эй, – снова позвала она.

Лес ответил едва различимым шепотом со всех сторон. Катя шагнула дальше, в стылый полумрак.

Посреди поляны лежал распластанный сосновый ствол. Широкий, как алтарь. Травяной подшерсток вдруг забурлил, вздыбился. Голова закружилась и небо, очерченное мохнатыми шапками сосен, метнулось вниз. Жизнь распалась на тысячи маленьких осколков. Время понеслось вихрем.

Катя не видела кто вышел ей навстречу.

Хозяйка стукнула в дверь. Не зашла, как уже бывало, нагло и по-свойски, а осторожно стукнула. Один раз, но Катя услышала, отозвалась, открыла дверь. Хозяйка скользнула бесцветными глазами по Кате и дальше вглубь комнаты. Катя обернулась, спиной к двери сидел Фомин. Спина выгнута, лопатки сведены, ребра торчат, мышцы напряжены. По коже течет пот. Морда собаки вверх. Морда собаки вниз.

Катя шагнула вперед и прикрыла за собой дверь. Заметила

блеснувшую в сыром взгляде насмешку.

– Я баню затопила, пойдете? – спросила хозяйка. Труба соседнего домика дымила чем-то белым и плотным, а сам домик, казалось, приподнялся, надулся, тихо поскрипывал, постукивал, пыхтел и дышал наливающимся теплом.

– В баню? – переспросила Катя. Она последний раз была в русской деревенской бане, не в стерильной сауне фитнес-клуба, еще в детстве. Память услужливо подсунула картинку – клубы пара, размытые фигуры, мамины волосы, растрепанные, налипшие на плечи, вода, льющаяся из ведер на крепкие спины и бедра. Или это не память? Видела где-то репродукцию. Картинку. Фотографию. Что-то похожее.

Хозяйка ждала ответа.

– Нет, – сказала Катя. – Мне плохо может стать с непривычки.

– А твой? – хозяйка кивнула в сторону двери. Катя вдруг увидела какое у нее на самом деле молодое лицо. Морщины разгладились, серый пепел из глаз ушел, уступив прозрачной воде, пигментные пятна, ржавая, как истертая кожа – все это исчезло. На Катю с хитрецей, если не с явной издевкой, ухмылочкой даже, смотрела почти ее ровесница.

– Без меня не пойдет, – твердо ответила Катя.

– Да не съем я его, – хохотнула хозяйка, обнажив ровные блестящие от слюны зубы. – Ладно, ладно. Потом, когда баня немного остынет и я уйду, идите, ничего там с вами не станет. Не сомлеете.

Хозяйка повернулась. Сошла с крыльца. А Катя смотрела ей вслед, вжимаясь голой спиной к занозливой двери. Узел купальника сильно давил между лопаток. Жара клубилась на веранде. Обжигающая, терпкая.

Хозяйка скользнула в тень от бани. Там в полумраке обернулась. Внимательно, как будто взвешивая осмотрела напряженную Катину фигуру. Собака с пустыми глазницами.

– Ты бы не ходила в лес, девочка, – вдруг сказала хозяйка с сочувствием. Голос ее дрожал и скрипел. Она стащила морщинистыми, с шишками разбухших суставов пальцами с головы выцветший платок. Белые с желтым пряди некрасиво рассыпались в стороны.

Катя толкнула спиной дверь и почти упала внутрь комнаты. Фомин, закончив свою йогу, сидел на полу и глубоко дышал. Поджарое тело в нитях и буграх мышц блестело от пота.

– Фомин, ты в баню пойдешь со мной? – спросила Катя.

– Нет, – ответил Фомин.

Катя подошла и положила ладонь ему на грудь. Сердце отозвалось ровным, тягучим ритмом. Скрипнула половица. Загудел ветер, трава пошла волнами, и слабая рябь тронула черные мохнатые елки. Катя дернула завязку купальника.

– Давай потом, а? – попросил Фомин. Он отошел к столу. Катина ладонь так и повисла в воздухе. И сердечный ритм остался. А ветер ушел. Верх купальник нелепо лежал под ногами яркой нездешней тряпочкой.

Она выбежала на улицу, на ходу влезая в сдернутую со

спинки стула кофту. Жара сразу побежала по ладоням, рукам, щекам. Катя села на косую занозистую скамеечку перед баней. Услышала слабый, но настойчивый стук. Обернулась. В запотевшем окошке увидела прижатую ладонь. Ладонь сложилась в кулачек. Постучала. А потом сделав приглашающий жест, исчезла за темной мутью стекла...

В предбаннике было тесно. Пахло густым разнотравьем. Под ногами хлюпали лужи. Солнечный луч, проникающий через неплотно прикрытую Катей дверь, нарезал темноту на равные дольки. Она сняла одежду. Сложила аккуратно на скамейку. Все тело в царапинах и синяках. На ребрах полосы, как зверь рвал. Откуда? Толкнула тяжелую дверь. Горячий пар накинудся, обнял. Не видно ничего. Ноги скользят. Влажно. Горячо.

– Эй, – позвала Катя. – Вы где?

Хозяйки нигде не было. Пустые лавки вдоль стен. Печной бок. Ведра, бочка с водой. Как же скользко. Пар то оседал, то вновь начинал клубиться. Рассеянный слабый свет едва пробивался через запотевшее окошко, то самое, через которое ее позвали. Пот затекал в глаза. Щипал. Дышать стало тяжело. Как будто раскаленный песок в глотку засыпают. Катя дернула ручку двери. Ноги заскользили по полу, а дверь не поддавалась. Катя прижалась к разбухшему дверному косяку и потянула сильнее. Ноги заскользили. Катя ухватилась крепче. Тут ее и накрыла красная тьма, красный жар...

Со вздохом вернулась жизнь. Сумрачный предбанник, из-

резанный солнечными ручьями. Ледяная струя, такая ледяная, что мышцы крутит, текла ей на грудь.

– И правда ведь, дурно стало, – Хозяйка перестала лить на нее воду. Глаза улыбаются. Губы сочные, красные. Волосы мокрые, черными змейками свернулись на покатых плечах, шее. Кожа белая, аж светиться. Грудь, живот, бедра. Запах вокруг резкий, травяной и такой дурманящий, что голова у Кати опять закружилась. Хозяйка дотронулась до ее щеки.

– Красивая ты.

Катя вскочила, ее повело в сторону, и она выпала, больно ударившись локтями о дверь бани, на свежий воздух.

– Ты меня любишь?

– Конечно люблю.

Фомин сел напротив, на скрипучий стул.

В миске блеснул желтый мед. Вязкий, подернутый сверху загустевшей пленочкой. Катя макала в мед печенье. Тот тянулся тугой струйкой, оставляя на скатерти липкие капли. Печенье ломалось. В миске оседали на дно крошки.

– А как любишь?

– Сильно.

Стул под Фоминым скрипел.

– Какая все-таки дурь средиземноморская все эти салаты, заправленные оливковым маслом, – сказал он с набитым ртом. – Помидоры с огурцами надо только со сметаной де-

лать.

Пальца, губы все было липким от меда. Даже локти почему-то. Во рту приторно, сладко. Приторно и противно. Катя бросила в миску остаток печенья. Оно стало медленно тонуть.

– Опять в лес пойдешь? Что ты там все ходишь? – спросил Фомин. Он то как раз ел с хорошим аппетитом.

– Пойдем вместе.

– Не знаю. У меня прививки нет от клещей. Да и там хозяйка попросила немного с крышей помочь. Что-то ей заколотить надо.

– Ты же не умеешь.

– Че это? – обиделся Фомин. – Я все умею.

– А у себя дома умеешь? Или только хозяйкам всяким?

Фомин закатил глаза.

– Катя, ну что ты на ровном месте опять начинаешь. Бабулька попросила помочь. Мне что трудно что ли?

– Бабулька, ага. Видала я ее. Ты сам-то, когда последний раз молоток в руках держал?

– Да вот держал, представляешь?

Печенье утонуло в меде. Теперь лежало на дне. А некоторые крошки застряли на полпути. Загустевшие медовые язычки расползались по скатерти.

– Ну ты уж постарайся для хозяйюшки.

– Да уж постараюсь.

– Постарайся, постарайся. Она тебя потом покормит, в

банке попарит, спать уложит.

– Совсем что ли спятила?

– Чего?!

– Ты Катя дурь какую-то несешь, – уже спокойно сказал Фомин. Отвернулся и губы в полоску собрал, пренебрежительно и даже как-то брезгливо.

И опять захлестнуло. Не вдохнуть – не выдохнуть. Красный жар внутри.

– Кать, подожди, – понеслось ей вслед.

Трескотня насекомых. Чьи-то крики. Отдаленный лай. «Ма-а-ам, Мама-а!» кричал визгливый детский голос. Музыка пульсирует. Попса. Повтор. Снова повтор. Все гудело, шевелилось, кричало, небо блестело голубым так, что выжигало глаза. Опрокидывало. Всасывало, как воронка.

За примятым к земле хозяйским домом черной стеной стоял лес.

Катя надела худи, висящее тут же на перилах, натянула на голову капюшон и пошла через участок к прорехе в заборе. Протиснулась. Потом проломилась с усилием сквозь плотно стоящие ели и оказалась в тишине.

Резко стало темно. Только вот был белый день и вдруг взял, да и исчез. Тягучие тени полезли из-под папоротника, расползлись в стороны, налились густой синевой. Белые стволы сосен были едва различимы.

Тяжелые ветви трогают ее за плечи. Лес молчит. Ждет. Зверек, теплый мокрый комочек, укрытый штормовкой, бьет лапками, царапается. Она прижимает комочек к груди. Не бойся, ничего не бойся, малыш. В руке блестит молния. Во рту остается соленый привкус. Лес все так же молчит. Тьма дрожит укрытая елями.

До нее долетает его запах. Такой уютный, саднящий. Она может учуять этот запах за тысячи, многие тысячи километров. Запах зовет.

Тело реагирует быстрее, чем она дает ему осознанные команды. Невероятная сила захлестывает мышцы. Штормовка и прочая одежда летят на землю. Ноги сами несут ее. Бег. Мох пружинящий, как ковер. Сухие сучья и иголки слабо покалывают подошвы ног.

Она бежит. Ветви хлещут ее по лицу и голым плечам. Она вырывается, падает из одних объятий в другие, рвет зеленые сети под ногами. Из расцарапанных ран сочится кровь. Кровь бежит по венам. Кровь пульсирует в голове. На руках кровь.

Запах становится нестерпим. Она уже близко. Из окна сочится свет. Влажные тела сплетаются и распадаются. Вновь перекручиваются. Мышцы перекручиваются. Сочится пот. Запахи смешиваются. Свой и чужой. Это невозможно терпеть. Жжет. Страшно жжет изнутри. Красный свет, красный жар. Красная боль расплосовала грудь и живот, ухнула вниз, выжгла все.

Она подняла вверх лицо и завывала, и только тогда ударила гроза, с такой силой, которой еще никогда не бывало в этих местах.

...Еще минута по вполне себе приличной грунтовой дороге и деревня осталась позади.

Машина, застоявшаяся под навесом, отвыкшая за месяц от движения, с удовольствием гоняла через свое нутро бензин, масло и прочие жидкости чуть громче обычного, пружинила на кочках и ухабах с какой-то особой лихостью и казалось, вот чуть надави подошвой на благодарно податливую педаль газа, она сорвется и забодает ближайший стожок сена.

Из открытых окон вдруг резко пахнуло конюшной, свинофермой, свалкой бытовых отходов, всем сразу. Катя подняла окна и включила кондиционер. Холодный воздух сразу отрезвил – а ты куда, Катя, собралась-то? В Малиновку. А Фомин где? Не знаю, с утра не видела. Как же так? А вот так. Холоднее стало, а вот запах никуда не делся. Сладковатый дурман. От него спазм в горле и глаза слезятся. Или глаза от другого чего? Катя опустила окно и кондиционер тоже оставила...

...Малиновка сияла будто свежeweымытая. Была она легкая, радостная, не то, что зачуханная деревня, в которой Катя с Фоминым дом сняли. Улицы шире, одежды ярче, налич-

ники наряднее. Большая площадь в центре, торговые прилавки, бабки зеленью торгуют и творогом, магазин, магазин, церковь. Стены беленые, золото блестит. Солнце, простор и люди. Вот такая Малиновка.

Катя, повязав платок, легко выпрыгнула из машины. Сандалии, один ремешок и тоненькая подошва, утонули в пыли. Катя поправила помятый сарафан. Черная татуировочная вязь на запястье сойдет за браслет, не кофту же с рукавами надевать в такую жару.

– Ишь, вырядилась, – послышался дребезжащий голос за спиной.

Катя оглянулась и никого не увидела. Не успела даже удивиться, как из-за машины вытянулась коричневая сухонькая ручка и тот же дребезжащий голос сказал:

– Дай, доченька, денежку, славь, славь, славь тебя Господь.

Катя заглянула за остов машины и увидела старушку, маленькую, как кошечка или девочка. Лицо изрыто морщинами, платок солидный, не по погоде. Глаза у старухи были мутные и влажные.

– Сейчас, – Катя дернулась за сумкой и тут же вспомнила, что сумку-то она и не взяла. Вообще не взяла, та так и осталась висеть на спинке стула в доме вместе со спрятанными в ней документами на машину и деньгами. Телефон вот взяла, не забыла, даже зарядила для важного разговора, а сумку не взяла.

Старушка ждала, руку не опускала.

– Вы знаете, я ... – запнулась Катя. – Я вам привезу. Завтра привезу.

Старушка кулачок сжала и зашептала тихо под нос, как будто только для себя:

– Ведьма ты, ведьма, как есть... Гадина ползучая... Не будет тебе... Сама виновата... Сама... Не примет Господь... Заберет она все...

– Что, простите? – Катя даже нагнулась к маленькой старушке.

– Жадоба ты, – неожиданно ясно сказала та. – Мужик твой к другой бабе уйдет.

Старушка плюнула Кате под ноги, развернулась и бойко поскакала в ближайший магазин...

...В церкви было прохладно. Тихо. Спокойно. Сладко пахло расплавленным воском, ладаном и пылью. Людей немного. Из-за сен-лорановского нездешнего белого сарафана на Катю посматривали, но без особого интереса. А вот Богородица из темноты, сгустившейся по краям иконы глядела проникновенно, с сочувствием. В зрачках блестели огоньки от свечек, колышущиеся на слабом сквозняке. Вдруг Богородица полетела вверх. Вспорхнули разом и огоньки свечек, как стая бабочек. Сотни, миллиарды бабочек....

– Беременная? – на скамейке у церкви незнакомая женщина лила воду из бутылки на платок и прикладывала его к Катиному лбу. С платка по вискам и щекам стекали холодные ручейки. – Господи спаси и сохрани. Точно тебе говорю.

Тошнит?

Катю сразу вырвало тут же у скамейки в пыльную траву. Женщина помогла ей добраться до машины и перекрестила напоследок. Катя посидела еще немного с открытой дверью. Спазмы тошноты и головокружение прекратились. Беременная? Я?! На миг привиделся черный провал в лесной глуши. Грубый шепот между веток. Ветер по полю. Остро блеснул и сразу погас солнечный луч от стекла проехавшего автомобиля. Автомобиль был новенький, красный. Тренькнуло на колокольне. Над головой разявилась голубая бездна – хоть падай в нее...

Катя достала мобильный и позвонила Донцову. Донцов, как ждал, ответил сразу.

– Привет, – сказал Катя. Во рту у нее было кисло. Запах, пробравшийся в машину по дороге, опять вернулся. – Фомин тебе не звонил?

– А че ему мне звонить? – грубо ответил Донцов. – Че у вас случилось, Кать?

– А ты сам можешь ему позвонить?

– Так у вас же не берет. Вы че там? Поругались что ли? – Донцов тяжело вздохнул где-то далеко.

– Мне кажется, он мне изменяет.

Донцов снова тяжело вздохнул.

– Не сходи с ума. Ну реально, Кать, ему вообще по фигу на все эти... Я его даже в кабак вытащить не могу. Домосед твой Фомин. Подкаблучник.

– Он с хозяйкой спит. Я уверена! – От бессилия Катя почти перешла на крик. – Она крадет его у меня.

– Катя, Катя, Катя, там бабка старая, Катя, не дури, – голос у Донцова стал как у доктора. Спокойный, твердый и отстраненный.

– Она кровью лицо моет, – выпалила Катя.

Донцов сразу замолчал. Катя представила его мучения – и отключиться не может, и разговор этот ему не нравится. Может я на самом деле с ума схожу, подумала Катя. Тошнотворный воздух в машине сделался совсем невыносимым.

– Донцов, а я беременна, – вдруг сказала Катя, отключилась и бросила смартфон на приборную панель. Смартфон тут же завибрировал, зазвонил и медленно заскользил вниз. Катя подхватила его и открыла бардачок. Из бардачка на соседнее сидение выкатилась полусгнившая кроличья голова, а следом выпала бритва. Та, которой Фомин брился и порезался. Бритва упала на сидение и раскрыла свою пасть...

Потолок тут низкий. Не разогнешься. Сыро. Преет старый дом. Шкура у него внутри рыхлая – тряпье и веники из трав.

Темно, одна свеча всего горит, дрожит. От свечи тени чернее, чем сама чернота. Банки, склянки, бутылки повсюду стоят. На полу, на столе, на полках – одинокий огонек друг другу передают.

Хозяйка улыбается. Грудь вверх торчит. Сосцы темные и

огромные, как луна. Волосы змеями разметались по плечам. Глаза-иглочки. Губы красные.

Эмалированный таз перед ней. Внутри что-то черное, жидкое, с пенкой, пузырится по краям. Собака лохматая тут же. Ощерилась. Хозяйка рукой в ее сторону повела. Голая грудь качнулась. Собака замолчала, улеглась, морду на лапы положила. Жидкость в тазу дернулась, не черная она вовсе, красная. Вон на стенке полоса осталась.

– Где он?

– Тебе ли, голуба, не знать?

Улыбается хозяйка. У Кати кулак дрожит. А что в кулаке зажато? Бритва тоже свой огонек свечи ловит. Собака снова заворчала, морду подняла...

Был белый сарафан, а теперь и не отмоешь. Здесь вот даже разорвался. И руки черные какие-то, как не свои. Вон и ногти обломились. Кожу стянуло. Чешется. Это от крови. Укусы саднят. Уколы теперь придется ставить. От бешенства. Сорок в живот, так в детстве говорили.

Луна жирная прям над головой висит. Макушку вот-вот заденет. Зато светло. Только как черно-белое все. Необычно.

Идти пора. Катя поднялась с влажной ночной травы.левой рукой взяла пластиковую канистру. Ладонь мокрая от своей и собачей крови, а канистра тяжелая, все выскользнуть норовит. Правой пошарила в высокой траве, ухватила

покрепче, дернула. В ответ протяжный стон.

Катя пошла вверх, в гору. Пузатая канистра в полусогнутой руке перед собой – заросли крапивы, лопухов, репья раздвигает, кусты ломает, через ветки продирается. Тяжелее со старой ведьмой. Не отпускает ее земля, ветки ее хватают, сучья держат, не дают тащить. Волоком, за веревку. Веревка за шею. Стонет ведьма, сипит. А ну как очнется? Быстрее надо. Быстрее. Катя, не чувствуя боли в изрезанных ногах, идет вверх и вперед не разбирая дороги, напролом. Один сандаль давно оторвался, второй волочитя следом, вцепившись в щиколотку.

...Черные кресты на фоне белого, как молочного неба. В церкви-декорации не было дверей. Катя втащила внутрь тело хозяйки. И упала тут же рядом, совсем без сил. Иссохшие деревянные стены недовольно скрипели вокруг. Хозяйка опять застонала, но в себя так и не пришла. Ее тело, наспех перетянутое веревкой, мерцало в темноте. В окне клубился туман, обступая церковь со всех сторон. Катя выползла на улицу, нащупала скользкую канистру и отвинтила крышку...

Стоит у самой стенки. Тело белое, космы свисают. Головой тряхнула. Бесцветные глаза, иголочками впились.

– Катенька, Катенька, девочка моя, что ж ты делаешь, дурочка? Живую меня сжечь собираешься. Как же так, доченька? Душегубица ты.

Катя не слушает. Морок это. Ведьма, перетянутая крепко веревкой, в церкви лежит. Пусть церковь не настоящая, зато

не жалко. Катя льет вонючую жидкость из канистры на черные бревна. Луна сверху давит, смотрит. Силы выпивает.

– Ты, Катька, с ума съехала, – хохочет Ведьма. Рот черный кривит. Волосы откидывает. Молодая, как есть молодая. – Не бывает ведьм, Катенька. Кукухой ты съехала, от ревности. Тебя и Донцов предупреждал.

– Врешь! – Катя пустую канистру выкинула. В церковь заглянула. Тут она. Лежит неподвижно. Тело сморщенное, как кукла тряпичная. Катя глаза зажмурила. А за спиной:

– Может ты сама Катька – ведьма. В лес ходила. Кого искала? От кого ты понесла, Катенька?!

...Огонь до самой луны достал. Та от обиды за край леса пошла. Белый дым с туманом мешался и в светлеющем небе пропадал. Катю нагнал человеческий крик, когда она уже к дому подходила. Или показалось.

Она осторожно, чтобы случайно дверью не скрипнуть, скользнула в дом. Скинула испачканный сарафан на пол и не умываясь, как есть с изрезанными, грязными ногами, вымазанными в крови руками, волосами в сухой траве и дыму залезло под одеяло, Фомину под бочок.

Какие же у него холодные ноги, подумала она засыпая. Ледяные.